

В.М. Межуев.

Как и предшествующие выступающие, я также не социолог, а представляю ту область знания, которую социология с момента своего зарождения (в лице, например, Огюста Конта) объявила пройденным этапом в истории мысли, т. е. философию. У меня, однако, сложилось впечатление, что современная социология столкнулась с тем, о чем философы догадывались задолго до возникновения социологического знания. Правда, говорили они об этом на языке не фактов, а чистого умозрения. Но то, что для философов было только идеей, сегодня, видимо, обретает значение методологической нормы и для социальной науки.

Свое выступление я хотел предварить вопросом к уважаемому докладчику, но, к сожалению, это не было предусмотрено нашим регламентом. Вопрос этот, как мне кажется, прямо следует из его доклада. С одной стороны, все перечисленные им и реально существующие глобальные риски – технологические, экологические, финансовые и прочие – имеют один и тот же источник, а именно прогресс западной цивилизации. Разве не Запад в своем развитии породил процесс глобализации, и разве не этот процесс несет с собой угрозу глобальных рисков? Кто не рискует, тот, как известно, не выигрывает, и рожденные Западом глобальные риски явились неизбежным следствием одержанных им побед и выигрышей в ходе этого развития. Но, с другой стороны, что можно реально противопоставить этому развитию и этим рискам? Любая попытка найти им альтернативу за пределами западного мира чревата, как я думаю, самым страшным риском – возвращением к варварству. Отсюда и мой вопрос: не содержится ли в самой западной цивилизации не только источник глобальных рисков, но и способ предотвращения их отрицательных последствий, как в теоретическом, так и практическом плане? Ведь идея методологического космополитизма в социологии, предложенная докладчиком, в моем представлении, также является чисто западной идеей. За пределами западного мира космополитизм – даже в функции методологической нормы – вряд ли будет кем-то

поддержан, и важно понять, что именно в этом мире рождает потребность введения такой нормы.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. В качестве философа я – убежденный европоцентрист. Вопреки тому, что сегодня говорят о локальных цивилизациях, разделенных между собой непреодолимыми культурными и религиозными барьерами, я придерживаюсь идеи истории как неуклонного движения человечества к тому типу цивилизации, который базируется на принципах, открытых когда-то Западом и получивших рациональное оформление в европейской философии. Философия, с моей точки зрения, – неотъемлемая часть не любой (тут у меня большое расхождение с нашими востоковедами), а именно европейской культуры, в которой она выполняет функцию самосознания европейского человека. В отличие от других цивилизаций, где ту же функцию выполняли миф и религия, философия есть самосознание человека как свободного существа, как индивидуальности, обладающей собственным мнением и правом личного выбора. Такой человек впервые появился в эпоху Античности, что и было зафиксировано самим фактом рождения философии. Главной ценностью для философов во все времена была ценность человеческой свободы, которая, разумеется, в разные исторические эпохи трактовалась по-разному. Наличие в мире свободы (наряду с природной необходимостью и божественным предопределением) и стало главным философским открытием. Неслучайно расцвет философской мысли падает на те периоды истории, когда происходил переход от тирании и деспотии к демократии и гражданскому обществу. Это, во-первых, Античность, во-вторых, Новое время.

Схематически всю европейскую культуру можно представить следующим образом: если один из ее полюсов представлен религией (христианской религией), призванной сделать людей *добрыми* (т. е., с религиозной точки зрения, морально ответственными перед Богом), а другой – наукой, ставящей своей целью сделать их *сильными*, вооружив знаниями и технологиями, то философия, располагаясь как бы посередине между ними

(потому ее и тянет то в одну, то в другую сторону – наряду с научной существует религиозная философия), видит свою задачу в том, чтобы сделать их *свободными*. Вне сознания ценности индивидуальной свободы, даваемого философией, религия и наука в равной мере могут стать орудием возвышения и власти над людьми неподвластных им сил – будь то силы небесные или земные. Отсюда и критическая функция философии по отношению к религии и науке – в смысле не их отрицания, а установления границ их компетенции.

Но только в культуре, отстаивающей свободу индивидуального выбора, рождается сознание общечеловеческого родства, признание другого или чужого как своего продолжения и дополнения, т. е. рождается то, что можно назвать космополитическим видением мира. Подобное видение отсутствует на тех ступенях общественного развития, на которых индивид еще не отличает себя от своего вида, полностью сливается с ним. Таксономической единицей человеческого рода является все же не вид (как у животных и растений), а индивид. Лишь человеку, осознавшему свою индивидуальную уникальность и неповторимость, дано сознание сопричастности не только с определенным видом подобных ему существ, но с человечеством в целом. Благодаря этому человек оказывается способным вступать в общение с представителями иной веры и культуры.

Космополитизм как жизненная установка и познавательная норма возникает, как мне кажется, на уровне не межвидового, а межиндивидуального общения. Виды, как правило, находятся между собой в отношениях скорее конфронтации и вражды, чем взаимопонимания и сотрудничества. Даже то, что называют «дружбой народов», в моем представлении, не совсем точное понятие. «Дружат» не народы, а люди, представляющие разные народы и способные выходить за рамки групповой идентичности, как бы возвышаться над горизонтом коллективного сознания. Индивидуальное в этом смысле – синоним человека не как «абстрактного индивида» или частного лица, а как существа, равного целому, открытого ко

всему богатству человеческой культуры. Только в таком качестве он и является свободным существом.

Европа стала местом рождения свободной индивидуальности – пусть не в качестве образа жизни каждого европейца, но, во всяком случае, в качестве главной установки и цели европейской культуры и тех, кто ее создает. В этом смысле Европа является родиной космополитизма – мировоззренческого и методологического. Космополитизм, как бы его ни трактовать, есть порождение европейской культуры, поскольку именно в ней человек обретает способность смотреть на себя и окружающий его мир глазами людей другой культуры.

Первыми космополитами были философы. Европейская философия в ее высших образцах всегда стояла на защите интересов не какой-то отдельной нации, а каждого человека в его стремлении к индивидуальной свободе, позволяющей мыслить в категориях рода, а не только отдельного вида, т. е. универсальным образом. Но то, что философия формулировала в форме идеальной нормы, или идеи, в наше время обрело характер эмпирически фиксируемых фактов, стало нормой повседневной социальной жизни (а потому и социального познания). Сегодня и социология, видимо, вышла на рубеж, отделяющий прежний мир, разделенный по национальным границам, от того, который конституируется индивидуальным выбором людей. Способность смотреть на происходящее глазами человека, свободного от национальной ангажированности, является, судя по всему, единственно возможным ответом на глобальные риски, которые несет с собой западная цивилизация. Во всяком случае, так я понял докладчика.

Но что тогда считать национальным, и в каком смысле ему противостоит методологический космополитизм? Об этом уже говорил Владимир Малахов. Я лишь добавлю к сказанному им несколько слов. Нация, насколько я понимаю – не последний рубеж в историческом развитии, не заключительный, а только промежуточный пункт в истории любой страны или народа. Сошлюсь на мнение русского философа Владимира Соловьева,

который определял нацию как промежуточное звено между этнической обособленностью и сверхнациональным единством. Любая попытка исключить из нации нечто, выходящее за пределы этноса (то, что Соловьев назвал сверхнациональным единством), влечет за собой обратную редукцию нации к этносу. В итоге мы получаем не национализм даже, а этнократизм, когда нацией называют людей одной крови, а национальным государством – их объединение исключительно по принципу кровного родства. В России с многонациональным составом ее населения отождествление нации с этносом (или народом) чрезвычайно распространено как в обыденной жизни, так и в теоретическом сознании. Отсюда либо крайне националистические лозунги типа «Россия для русских», либо рецидивы имперского сознания с его верой в верховенство стоящей над всеми народами и объединяющей их всех власти в лице царя, генсека, президента, т. е. сугубо персонализированной власти. И то, и другое свидетельствует о том, что в России еще не сложилось национальное государство. Данное обстоятельство, кстати, является дополнительным препятствием на пути вхождения России в современный глобальный мир.

Что же все-таки отличает нацию от этноса? Попытаюсь пояснить это на примере сравнения России с европейскими нациями. В Европе, как известно, есть свои левые и правые, свои либералы, социалисты, консерваторы и пр. Они спорят по всем вопросам, но при этом согласны по вопросу о том, к какой цивилизации принадлежат. Еще Гуссерль как-то заметил, что, несмотря на длительные войны (столетние, семилетние и прочие), которые велись между европейскими народами, все они чувствуют себя в Европе как дома. Человек может быть немцем, французом, итальянцем, шведом, но он знает, что он еще и европеец, что вся Европа – его дом.

В России же спорят именно о том, к какой цивилизации она принадлежит. В России одни считают себя частью Европы, другие – Европой и Азией одновременно, или Евразией, третьи – ни тем, ни другим, чем-то, ни на что не похожим. Вопрос о цивилизационной идентичности в

России так и не решен – по нему нет согласия ни между гражданами, ни между элитами – потому наши споры столь непримиримы. Это является признаком еще не до конца сложившейся нации, ибо народ становится нацией, когда определяется в своей цивилизационной идентичности. Нации – это этносы, связанные между собой принадлежностью к общей, объединяющей их цивилизации, которая и выступает в функции сверхнационального единства. Вот почему нации зародились прежде всего в лоне европейской цивилизации с ее общими ценностями, разделяемыми европейскими народами.

Само возникновение нации свидетельствует о выходе того или иного народа за рамки его этнической обособленности и ограниченности, его приобщении к более широкой общности, называемой «цивилизацией». Разве ценности западной цивилизации – гуманизм, рационализм, правосознание, христианская мораль – не являются общими для всех европейских народов, сколь бы этнически они не различались между собой? В силу этого данные народы и образуют нации. Европа потому и дала начало процессу образования наций и национальных государств, что предоставила каждому человеку право свободного выбора гражданства и культурной идентичности, а равно и выхода за рамки любой такой идентичности – что, собственно, и называется космополитизмом.

Но вот вопрос, который остается для меня так до конца и не проясненным: возможна ли позиция методологического космополитизма за пределами западной цивилизации – при наличии цивилизаций, не признающих этих ценностей, а значит, отрицающих право человека на индивидуальный выбор? Как возможен космополитизм в мире, разделенном не только по национальным, но и цивилизационным (т. е. в первую очередь религиозным) границам? Можно ли преодолеть эти границы, пусть и в пределах только познавательной парадигмы – могут ли социологи договориться, например, с историками, для которых эти границы непреодолимы? Как вообще сочетать социологическую установку на

космополитическое видение современного мира с его разделением на обособленные друг от друга цивилизации? Очевидно, даже в качестве методологической нормы космополитизм возможен лишь в обществе, признающем ценности индивидуальной свободы, и, следовательно, социология, придерживающаяся такой нормы, должна исходить из признания возможности существования единой, общей для всех и в этом смысле *универсальной* цивилизации, как бы ее не называть.